

Крупные группы российского империализма

Через ренационализацию к глобальным амбициям

“Росатом” – один из чемпионов российского империализма, стабильно входящий в топ нашего рейтинга его крупнейших компаний начиная со второй половины 2010-х гг. За десятилетие с 2013-го по 2022 г. его номинальная выручка выросла примерно в три раза – с 529,2 до 1766,1 млрд руб.

Это холдинг с активами в энергетике, машиностроении и цифровой сфере, при этом активно диверсифицирующий свой бизнес, разрабатывая “новые продукты” в таких нетрадиционных для себя секторах, как ветроэнергетика, медицина, ИТ и др. Наиболее крупной единицей “Росатома” является дивизион, объединяющий организации корпорации по определённым видам деятельности. Основных дивизионов – восемь (“Ядерный оружейный комплекс”, горнорудный, инжиниринговый, топливный, электроэнергетический, машиностроительный, REIN (управление зарубежными проектами), “Сбыт и трейдинг”). Всего же дивизионов – десятки, но есть и внедивизиональные компании.

На конец 2022 г. в контур учёта объектов недвижимого имущества корпорации входило 394 организации, в том числе 13 федеральных государственных унитарных предприятий (ФГУП).

“Росатом” входит в 10-ку крупнейших компаний РФ по количеству занятых: в 2022 г. среднесписочная численность рабочей силы составила 329,2 тыс. человек.

Заповедник этатизма

Во всём мире атомная индустрия создавалась и создаётся государством, но даже этот “заповедник этатизма” подвержен мировым экономическим трендам. Государство вынуждено передавать контроль над некоторыми активами отрасли частным компаниям.

На данный момент существует *несколько моделей контроля сектора*. *Первая* сложилась в России, Индии, Китае и Франции, где в отрасли безраздельно господствует государство. *Вторая*, более мягкая, модель подразумевает, что государство оставляет за собой основные активы, но допускает значительное присутствие в них частных акционеров или передаёт им долгосрочное распоряжение этими активами (Южная Корея, Канада). *Третья*, самая “либеральная”, модель предполагает преимущественно частный контроль, но со значительной долей государства (США, Япония, Великобритания, Швеция, Германия, Финляндия, Испания, Швейцария); так, в США подавляющая часть *гражданской* атомной энергетики и сферы поставки технологий для неё контролируется частниками, осуществляющими большую часть инвестиций в отрасль, а в Японии она фактически находится в руках 10 акционерных обществ, владеющих почти всей электроэнергетикой страны, они же контролируют не только выработку энергии на АЭС, но и большую часть ядерно-топливного цикла (обогащение урана, переработку обогащённого ядерного топлива (ОЯТ), фабрикацию свежего топлива, обращение с РАО), частным компаниям принадлежит и энергетическое и атомное машиностроение.

Что касается России, то прежде, чем прийти к современной тотально этатистской модели в секторе, она, как и все остальные крупнейшие отрасли, пережила *конвульсии* приватизации после имплозии СССР. Государство никогда не имело планов приватизации в этой отрасли, но оно не смогло противостоять динамике мирового цикла. Правда, в отличие, например, от нефтяной или газовой отраслей, здесь эти конвульсии были гораздо более мягкими и несравнимо меньше освещались в популярных СМИ.

“Тихая” приватизация

“Коммерсантъ” (24.09.2007) считает это *«заслугой атомного истеблишмента, удачно сочетавшего в себе такие черты, как корпоративность, консерватизм и деловая хватка»*, но гораздо большее значение следует придать другому фактору, о котором упоминает сама же газета: предшественник “Росатома”, Министерство среднего машиностроения СССР (Минсредмаш), управлявший атомной отраслью и обеспечивавший разработку и производство ядерных боезарядов, был *«государством в государстве»*. Он также управлял предприятиями в строительстве, транспорте, сельском хозяйстве, электронной

промышленности и т. д., то есть там было достаточно непрофильных активов, *«чтобы удовлетворить аппетиты той части атомщиков, которая стремилась начать собственный бизнес»* и была готова противостоять “внешним” интервенциям, то есть исходящим со стороны государства или предпринимателей из других отраслей. Что касается профильных активов, то их судьба сложилось по-разному.

С одной стороны, ядро атомного комплекса сохранилось в госсобственности, причём не только в военном, но и в гражданском секторе, представленном в основном 3 холдинговыми компаниями: “Росэнергоатомом” (объединившем все АЭС), ТВЭЛ (производство топлива для АЭС) и “Техснабэкспортом” (выпуск и экспорт спецматериалов и технологий, используемых в атомной промышленности). Кроме них в этот комплекс вошли предприятия по добыче и обогащению урана, утилизации переработанного ядерного топлива, захоронению отходов, а также большое число научных, проектных и конструкторских организаций. Благодаря этому комплексу даже в худшие 90-е гг. действующие станции в России продолжали обслуживаться, а за границей было сохранено около 8 % рынка строительства новых реакторов. С другой – машиностроительные предприятия (“Атоммаш”, ковровский завод им. Дегтярёва (ЗиД) во Владимирской области, колпинские “Ижорские заводы” в Санкт-Петербурге и “ЗиО-Подольск” в Московской области) спикировали в связанный с отсутствием заказов кризис, поставивший некоторые из них на грань гибели, и все в той или иной форме были приватизированы, причём интерес частных инвесторов – не только “внешних”, но и “внутренних” – был связан не с атомной составляющей их бизнеса, а с иной, дающей основные заказы и доходы. И борьба за их передел продолжалась до середины 2000-х гг., когда возникли экономические и политические условия для усиления контроля над атомной отраслью со стороны российского государства и его возвращения на частично утраченные мировые рынки.

В экономическом плане возможности повышения объёмов генерации электроэнергии не успевали за потребностями, что вызвало риск ограничения роста экономики; в мире почти сошло на нет негативное отношение к атомной энергетике после чернобыльской аварии, и доля атомной генерации вновь начала расти. По прогнозам тех лет, к 2030 г. она должна была удвоиться, и это значило, что в разных странах требуется построить примерно 300 новых атомных энергоблоков. И этот огромный потенциал мирового рынка прекрасно осознавали заинтересованные лица. Политическая же предпосылка состояла в усилении российского государства.

Начиналась эпоха беспрецедентной консолидации, которую связывают с Сергеем Киреенко, назначенным 15 ноября 2005 г. на должность главы Федерального агентства по атомной энергии России, на основе которого вскоре начнётся процесс создания Госкорпорации “Росатом”.

Беспрецедентная консолидация

При Кириенко национализация двух десятков приватизированных предприятий прошла *«быстро и довольно жёстко»* (“Коммерсантъ”, 17.10.2016).

Так, российский бизнесмен грузинского происхождения Каха Бендукидзе (1956–2014), который к 1998 г. установил контроль над “Ижорскими заводами”, а к 2003-му скупил контрольный пакет ключевого подрядчика строительства АЭС за рубежом “Атомстройэкспорта”, был вынужден избавиться от этих активов и уехать из России.

Более договороспособным оказался создатель энергомашиностроительного холдинга “ЭМАльянс” Евгений Туголуков, в 2004 г. купивший “ЗиО-Подольск”: в сентябре 2007 г. Кириенко объявил о возвращении завода под стратегический контроль государства, а в декабре Туголуков стал депутатом Госдумы от “Единой России”.

ЗиД, в 1992 г. оказавшийся в руках менеджмента, который к 2001 г. довёл свой пакет акций до 52 % (государство сохранило за собой лишь “золотую акцию”), был реструктуризирован в 2006 г.: за ним осталось производство военной техники и вооружения, а его филиал Ковровский механический завод (КМЗ) сосредоточился на выпуске газовых центрифуг для обогащения урана, использующегося в качестве ядерного топлива. В 2010 г. КМЗ был возвращён в периметр “Росатома”, а его акционером с подавляющим числом акций стал ТВЭЛ.

В результате процесса “ренационализации” уровень консолидации атомной отрасли оказался *«беспрецедентным и исторически (даже в [СССР] производство “мирного” и “военного” атома проходило по разным ведомствам), и в отраслевом разрезе – такой широкой линейки нет ни у одной компании в мире»*: «китайская [CNNC] тоже строит и производит все виды продукции, но не делает энергооборудование, французская Areva не производит электроэнергию и оружие, а остальные компании просто невозможно сравнивать с “Росатомом”» (там же).

Выполнив эту задачу, Кириенко пошёл на повышение и в 2016 г. занял должность первого заместителя руководителя Администрации президента РФ. На его место был назначен Алексей Лихачёв – первый замминистра экономического развития РФ, который в 2017 г. заявил, что роль Кириенко необходимо оценить *«по достоинству»*, но признал, что достигнутая централизация во многом является *формальной*, т. к. *«зачастую организации, входящие в контур “Росатома”, бьются за свою прибыль [...], а консолидированный результат корпорации их не волнует»*, и тут же анонсировал открытие её нового этапа, на котором с этой *«местечковой психологией»* будет покончено: *«Центры прибыли должны быть сфокусированы на конечном продукте, и таких центров не должно быть много»* (“Страна Росатом”, 28.02.2017).

Глобальные амбиции

Сейчас “Росатом” задумывается о том, что *«внутреннего рынка... не хватит не только для обеспечения развития, но и для поддержания текущего масштаба корпорации»*, а дополнительное давление оказывает тот факт, что возможности государства по поддержке атомной отрасли *«не безграничны»*, поэтому, по мнению Лихачёва, “Росатом” должен стать *«по-настоящему глобальной компанией»*: в соответствии с его стратегией, к началу 2030-х гг. холдинг *«должен войти в тройку самых успешных мировых технологических корпораций»*. При этом скептиков, которые отнесутся к этому, *«как к фантазии»*, предостаточно (там же). Посмотрим. Но позиции скептиков имеют серьёзный фундамент: финансовая слабость – это традиционный камень преткновения для чемпионов российского империализма, даже если они и находятся на передовых позициях в *технологиях*, а развязанная Москвой война на Украине и санкции, с которыми уже столкнулся и “Росатом”, ещё более усугубляют эту проблему.

Май 2023 г.